

УДК 316.4.06:141.7

А. В. Худенко, канд. социол. наук, и. о. доц.

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Институт социальных наук, кафедра социологии

ЭКОНОМИЯ ДЕВИАЦИИ

В отношениях альтернативности экономится девиация и открывается возможность произведения нормы; есть возможность избежать крайностей скучной, минорной благопристойности и мажора беспокойства. Сохранение альтернатив отворяет возможность торга, в процессе которого согласовываются и координируются индивидуальные цели и желание. Медиум такой координации — слово, в котором выражен его политический характер.

Ключевые слова: экономия, девиация, альтернативность, политичность.

Девиации дали возможность заговорить: количество публикаций, раскрывающих различные аспекты проявления отклоняющегося поведения, безумия, увеличивается. Это своеобразное признание и локальных, и глобальных кризисов современного мира, со всеми последствиями которых уже нет сил справиться. Угроза, превращающаяся то тут, то там в реальное насилие, ясно показывает, что мы далеки от того положения, когда разум и норма обеспечивают благосостояние, мир и гармонию. Настоящее бессилие объясняется неудачами предыдущих опытов и теорий. Окончание двадцатого века с его войнами, тоталитарными режимами, геноцидом проиллюстрировало несостоятельность концепций непрерывной эволюции разума, которые оправдывают существование норм.

В постсоветских странах процесс глобальной мутации совпал с крушением тоталитарной, одномерной системы, в которой сила автономной воли и жажда самоутверждения переплетаются с индивидуализмом, верой в собственную непогрешимость, что не требует критики и разумного основания. Вырвавшись из пут одномерности, мы заболели недугом автономизации: оказались в ситуации альтернативного монолога, ужас которого состоит в том, что он не столько противоположность тоталитарного монолога, сколько его двойник; с установкой на другого и другое, но обязательно с лазейкой для себя лично. Такая двусмысленность позволяет формулировать алиби насилия, скрыть или оправдать деяние. В этой ситуации отклонение от нормы оказывается более чем допустимым — оно становится прямой обязанностью.

Можем ли мы, в таком случае, замолчать девиацию? Проверено историей, что практика замалчивания с требованием укрепления дисциплины не оправдывает себя. Ведь лишить девиацию слова — это фактически предложить "новый порядок", особым образом организовать язык, который с методичной последовательностью дисциплинирует все социальное пространство. В этом случае взывающий к дис-

циплине скорее окажется очередным претендентом на роль тирана, глаголющего от имени нормальности и здоровья. А если вспомнить "Диалектику Просвещения" Адорно и Хоркхаймера, а также "Историю безумия" и "Историю сексуальности" Фуко, то следует признать, что об отклонении следует говорить лишь по отношению к другому повороту безумия — по отношению к разуму. При этом необходимо отметить, что действие по разумным основаниям также безоглядно и опасно, как и девиантное поведение, и является во многих случаях более враждебным — обвинительным и винительным.

С другой стороны, предоставляя слово девиации, мы, так или иначе, указываем на существование некоей нормы, от которой отклоняемся. Если предоставляется слово отклонениям, то есть и норма или стремление к таковой: желание нормировать — успокоить жизнь. Мы сегодня можем не знать, что такое хорошо, но зато знаем, как делать не надо. Поэтому замалчивание девиации — есть запрет на произведение нормы. Именно поэтому "открытие" нормы предполагает бережное отношение, внимание к побочным, в том числе отклоняющимся, действиям прохождения пути. Речь идет о необходимости пути *косвенно-го* — пути обходного, непрямого. Последний противоположен алгебраическим действиям технократа, который освещает освещенное, лишая его инаковости. Напротив, путь *косвенный* представляет собой открытую альтернативу, в которой всевозможные доводы говорят как в пользу одной, так и в пользу другой возможности. Таким образом, призывая девиацию внутри самой нормы, мы предлагаем рассматривать и норму, и отклонение от нее в измерении возможности: бесконечном их переплетении и перемене места.

Идея бесконечного переплетения состоит не просто в двусмысленности, когда у обоих направлений одинаковые шансы "выйти в свет". Это игра, в которой проигравшие одновременно выигрывают и в которой всякий, кто побеждает, в то же время проигрывает. В этой игре производятся лишь *симулякры* присутствия. Но в оперировании последними сохраняется альтернативность (*aИегнаVIII* — лат., изменчивость, непостоянство) и возможность выбора другого направления, что позволяет сдерживать деспотизм завершенных форм — либо молчание девиации, либо язык тирана. Главное в этой игре — напряженность и серьезность выбора, удержание противоположностей. Так истолкованная альтернативность является различием (*e, IЦегансе*) — "операцией, которая в одно и то же время разламывает и задерживает присутствие, одновременно подвергая его изначальному разделению и откладыванию" [1, 116]. В нем (*eIII^егансе*) — одновременность чистого присутствия ("осве/я/щенного") и абсолютной утраты, смерти: только что реализованное уже *стерто*. Подобная экономия девиации является по сути апокалиптической, обнажающей, греховной и подтверждающей смерть.

В платоновском диалоге "Федр" анализируется и оценивается смерть как возможность (более того, необходимость) дать полный смысл существованию: путь от не-истины к истинному лежит через

схождение с жизненного пути — девиацию. В этом контексте дар смерти есть дар обретения. Смерть структурно необходима для произведения Я: "Утверждение 'я жив' сопровождается моим бытием мертвым, а его возможность нуждается в возможности того, чтобы я был мертвым, и наоборот" [1, 127]. Вся жизнь должна быть тем, что можно назвать инстинктом смерти: желанием разрушить мир присутствия, остающийся недосыгаемым, чтобы явить себя самому себе и найти успокоение в стабильном и нормальном. Инстинкт смерти представляет собой то, что можно назвать основанием произведения нормы.

Внимание к смерти — это не только завязывание интриги и начало пути но и желание невозможного. "По ту сторону удовлетворенного голода, утоленной жажды и успокоенных чувств существует Другой, абсолютно Другой, которого желают вне этого удовлетворения, без телесных жестов насыщения Желания, без возможности изобретения новых ласк. Подлинное Желание — то, которое не удовлетворяется, но углубляется Желанным. Это доброта" [3, 300]. Доброта представляется тем удивительным феноменом, который, с одной стороны, способен оказать воздействие на все, но, с другой — сопротивляется быть увиденным. Доброта как стирание и смерть тождественности и подтверждение возможности-иначе означает направленность к другому, беззаветное продвижение к другому, признание и принятие тех невидимых границ, которые охраняют недоступность другого: в доброте признание другого. Эта направленность к другому — *via negativa* — не является движением или моментом ущемления. Наоборот, *via negativa* есть движение (путь) тождественного к другому и возможность возвращения — отзывчивость. Это возвращающееся-движение и есть то невозможное, о котором идет речь. Дар смерти, являющийся причиной возвращающегося-движения, указывает, что абсолютно негативного не существует. Платон в "Софисте" мыслит небытие не как абсолютную небытийственность или простую противоположность бытию, но как указание на то, что "есть много бытия и в то же время бесконечное количество небытия" [4, 256e]. *Via negativa*, таким образом, есть путь признания множественности, в котором заключена связь с другим, и обращение к другому, что заставляет множественность заговорить, прерывая замкнутость тождественного, излечивая от недуга автономизации.

Альтернативность как отношения, которые разрушают структуру присутствия и открывают путь к невозможному, требуют мужества стояния — достоинства в видении невозможности возможного и держания себя в горизонте этого видения без истерики (!) и внутреннего злобного разрушения (!), обращаемого потом на весь мир. Нет сомнения, что достаточно тяжело стянуть в точку персонального стояния разбросанные пространства и времена — множественность. Поэтому

¹ В своих "Заметках на полях 'Имени розы'" У. Эко написал: "Мне хотелось отравить монаха. Думаю, что всякий роман рождается от подобных мыслей. Остальная мякоть наращивается сама собой" [2, 434].

столь значимо действие собирания всего этого под знаком ответственности. Действительно, ничто не может избежать ответственности, неразрывно связанной с самим существованием, которое мыслится как абсолютное ввиду того, что ни один показатель нормы или отклонения от нее не подвластен возможности-иначе.

В отношениях альтернативности ответственность означает брать на себя открытие возможностей, непосредственно не данных, но гарантированных как грядущих. Таких возможностей, в компетенцию которых не входит "уверенность в завтрашнем дне", но, напротив, подвергают риску по причине неизвестности и непредвиденности грядущего. В конечном итоге непосредственно утверждается риск и открытость возможностей. Такую открытость необходимо рассматривать как закладку нового фундамента, определение возможностей изменений. Сама открытость провоцирует выход во вне — за пределы возможности. Она управляет продвижением изменений и превращает движение к обновлению, пока существующее лишь в отдельных устремлениях, в процесс обновления. Открытость как возможность изменений предполагает не просто переход от одного формирования к другому, но, прежде всего, аналитику путей вовлеченности в этот процесс. В этом плане *открытость* не может быть никакой другой проблемой кроме политической. В данном случае сведение политического к отношениям открытия возможностей находит свое основание в феноменологической редукции, которая предполагает *воздержаться* от юридического представления о политическом, реализуемом и в теории закона, и в тематике подавления. В то же время К. Шмитт, исследователь политических отношений весьма далекий от феноменологии, подчеркивает, что рождение политического из системы Суверен—Закон и, следовательно, "уравнение 'государственное=политическое' становится неправильным и начинает вводить в заблуждение, чем больше государство и общество начинают пронизывать друг друга" [5, 38]. В связи с этим основание политического следует искать в "бытийственной действительности".

Фундаментальная политическая инстанция — *роШега* определяется Аристотелем как собирание и со-бытие обитателей и граждан полиса — тех, "кто участвует в суде и народном собрании" — в обсуждении, выработке и принятии решений по поводу того, что касается, задевает, влечет — заботит — каждого члена сообщества [6, 1275а, 30]. Именно участие как *путь со бытия* и составляет суть политического. Будучи признанными и призванными такого со-бытия, участники одачивают, украшают себя истиной. Дар истины, который дисциплинирует и нормирует жизнь граждан, получить можно, только приняв участие в собирании множественности — живом обсуждении того, что так или иначе заботит каждого. Наличие такого *дара* чрезвычайно важно. Он создает возможность высказывать "нестираемые" утверждения, которые позволяют с легкостью ориентироваться в реальной действительности, укрепляют надежность ожиданий, играют важнейшую роль в формировании системы доверия.

В процессе живого обсуждения никто из участников не может претендовать на то, что его мнение окончательная истина. Чтобы было вынесено суждение, которое было бы признано другими участниками, следует учитывать именно то, что оценка ситуации может вызвать сопротивление. Учитывать сопротивление — значит придать своему мнению такой вид, благодаря которому оно имеет *шанс* на то, что покажется приемлемым для всех остальных — для тех, кто, возможно, имеет другое мнение. Таким образом, принимая участие в процессе живого обсуждения, я должен признать другого — дать и принять отчет (*ratio*) от другого. Именно в признании другого и состоит ответственность, которая выступает основой координации и согласования в процессе собирания множественности.

Рациональность тактик достижения согласия выделяет признание как значимое основание ответственности, в котором норма удостоверяет свою подлинность во множественности сил сопротивления. Действительно, просто-напросто подчиниться норме было бы невежливо: невежливо быть вежливым из вежливости. И непрактично: "Жест дружбы или вежливости подвергся бы саморазрушению при малейшей уступке необходимости применить к конкретному случаю предписание общего характера. Он оказался бы побежденным, разбитым или сломленным жесткой регулярностью правил, иначе говоря, нормы" [7, 264]. Поэтому подлинность нормы необходимо постоянно подтверждать, во-первых, тогда, когда, участвуя в обсуждении, выработке и принятии решения, открывается и сохраняется возможность-иначе, с чем и связывается "надежда" на преодоление сопротивления.

Во-вторых, в игре, в которой персональные позиции трансформируются, усиливаются, конвертируются в пути непрерывных битв и столкновений.

В-третьих, в зрелище, когда человек, открывая себя самому себе, умирает, созерцая собственное умирание. "Другими словами, сама смерть должна была бы стать сознанием (себя) — в тот самый миг, когда она уничтожает собственное бытие. В некотором смысле так бывает, когда прибегают к увертке (которая едва-едва должна иметь место или которая имела место неуловимо, скоротечно). Таким образом, жертва умирает, видя собственное умирание, и даже некоторым образом по своей воле, единодушно с жертвенным клинком. Но ведь это комедия!" Действительно, "ни хлебом единым жив человек, он живет также комедиями, которыми по своей воле обманывает себя" [8, 259]. При этом отношения признания демонстрируют известную хитрость — возможность пускаться в авантюры, швыряться собой, чтобы себя сохранить. Именно хитрость позволяет принять дар, который не требует возврата в эквиваленте. В признании другого, таким образом, сохраняется альтернативность, которая выражает себя в торге о воз-

¹ В качестве примера можно вспомнить, как Одиссей перехитрил Полифема. Одиссей представился как Никто (в древнегреческом *Odysseus* и *Udeis* кажутся сходными при произношении); Никто избежал преследования, т. к. Некого было преследовать.

возможностях действовать. Только таким образом — торгуясь — мы экономим девиацию, преодолевая беспокойство существования.

В отношениях альтернативности экономится девиация и открывается возможность произведения нормы; есть возможность избежать крайностей дисциплинированной, скучной, минорной благопристойности и мажора беспокойства. Сохранение альтернативы открывает возможность торга, в процессе которого согласовываются и координируются индивидуальные цели и желания. Медиум такой координации — слово. В таком случае, если и говорить о разумной дисциплине нормы, то она невозможна вне процесса публичного обговаривания. Действительно, рационализация может осуществляться только в средоточении опосредованного самим языком взаимодействия — в диалоге, в котором был бы реставрирован его политический характер. В таком поле сам координационный процесс выступает *terminus a quo* координации — пределом, в котором собранная множественность раскрывается и раскрывает всю свою силу. Участие в таких дискуссиях выказывает уважение и, главное, чувство собственного достоинства. Именно поэтому в диалоге — в высказывании персональной точки зрения и сопротивлении — формируется человек свободный. Свободный в том смысле, что он ответствен за общее дело в сообщении с другими. Напротив, отсутствие освобожденных от всякого давления дискуссий, их дисциплинация ведут к подрыву самоуважения и уважения со стороны окружающих и сопровождаются чувствами и стыда (потому что нанесен ущерб достоинству), и страха, которые неминуемо приводят к истерике и злобному разрушению мира.

Литература

1. Деррида Ж. Голос и феномен. — СПб.: Алетейя, 1999.
2. Эко У. Заметки на полях "Имени розы" // Эко У. Имя розы: Пер. с итал. — М.: Книжная палата, 1989.
3. Левинас Э. Ракурсы // Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Пер. с фр. — М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
4. Платон. Софист // Платон. Сочинения в 3 т. — М.: Мысль, 1968. — Т. 2.
5. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992. — № 1. — С. 37—68.
6. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4 т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4.
7. Деррида Ж. Страсти // Socio-logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. — М.: Socio-logos, 1996. — С. 257—302.
8. Батай Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение // Танатография Эроса: Ж.Батай и французская мысль середины XX века: Пер. с фр. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 245—268.

А. В. Худенко

ЕКОНОМІЯ ДЕВІАЦІЇ

Резюме

У відношеннях альтернативності економиться девіація і відкривається можливість твору норми; є можливість уникнути скрут дисциплінованої, нудної, мінорної благопристойності і мажору занепокоєння. Збереження альтернативи відчиняє можливість торгу, у процесі якого погоджуються і координуються індивідуальні цілі і бажання. Медіум такої координації — слово, у якому виражений його політичний характер.

Ключові слова: економія, девіація, альтернативність, політичність.

A. V. Khudenko

DEVIATIONS ECONOMY

Summary

The deviation is economizing on relation of alternative that opens the possibility to create norms; has the possibility to avoid extremes of sad modesty and cheerful mood. The saving of alternative opens the possibility of bargaining when personal aims and desire are coordinating and making agree. The coordination medium is the word where the political temper of it is expressing.

Key words: economy, deviation, alternativeness.